

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ ЖЕЛАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ

М. СТРАХОВ

Le sujet part a la recherche, a la rencontre,
de quelque chose rejeté, de refusé partout...

Jacques Lacan*,
Séminaire, livre X, p.137

Симптом и загадка

Нину** ко мне направил один мой коллега, занимающийся мануальной терапией. Нина, женщина пятидесяти лет, обратилась к нему в связи с болями в позвоночнике. Можно сказать, что с этих ее симптомов начинается и наша беседа: ей тяжело сидеть, и во время сеанса периодически возникают боли, на которые она начинает жаловаться.

Но ко мне эта дама обращается не из-за своих телесных симптомов. Она хочет справиться со своим невыносимым душевным состоянием, охватившим ее после того, как она узнала, что у ее мужа, в браке с которым она прожила уже 26 лет, и с которым они вместе вырастили сына (ему уже 25), есть другая женщина. Нина скажет:

– Я в принципе готова это принять, смириться с ее присутствием, той, третьей, но пусть мой муж скрывает от меня знаки ее присутствия.

– Иначе говоря, вы готовы принять жизнь практически втроем, при условии, что муж будет скрывать ее от вас, но вы при этом все равно будете знать о ее существовании?

– Да, я на это согласна. А то он поступает со мной очень жестоко, все мне рассказывая. И как он может поступать так со мной, практически с инвалидом? ... Он предал меня, причем не потому, что изменил мне.

Именно здесь, после того как мы услышали эти две последние произнесенные фразы, можно начать говорить о появлении возможности для пациентки встретиться с загадкой собственного существования, которая одновременно, как в данном случае, может являться и психоаналитическим симптомом. В чем смысл обмана, которому Нина хочет добровольно себя под-

* Lacan J., Séminaire, livre X, p.137.

** Автор выражает благодарность д-ру Александру Стивенсу, д-ру Даниэлю Руа и д-ру Марис Руа за идеи, полученные от них в ходе обсуждения данного случая во время Семинара Фрейдова Поля в Москве.

вергнуть? Или чего она не хочет знать? В чем, на самом деле, заключается предательство? Здесь, на первом сеансе, все эти вопросы оставались без ответов, найти которые возможно только при помощи анализа, на который Нина соглашается.

Ловушка требования любви

С первых сеансов Нина рассказывала о своих постоянных проблемах с мужем и, в то же время, с матерью. Эти истории пересекались, соединялись друг с другом, вплоть до того, что периодически приходилось переспрашивать: «Вы сейчас рассказываете о муже или о своей матери?»

Мать Нины в настоящее время сама страдает инвалидностью, у нее старческий маразм, с ней почти невозможно общаться. Каждая встреча с ней заставляет Нину страдать. Почему? Несмотря на то, что мать уже сама в силу своего физического состояния нуждается в помощи, Нина при каждой встрече ждет от нее проявлений любви. И всегда безнадежно. Это повторяется вновь и вновь. Впрочем, так было всегда, и весь первый месяц работы – это рассказ о безответной любви к матери. В этом рассказе мать все время отсутствует, например, отправляет Нину в пионерский лагерь, а потом не навещает, и Нина проводит время, ожидая ее возле забора. Но, в то же самое время, мать вездесуща и проявляет себя во всем. Даже решение о замужестве, – по крайней мере, создается такое впечатление, – было принято только после ее совета, к которому, говоря по правде, примешивалась еще и мысль: «иначе, если я не выйду сейчас замуж, останусь навсегда с ней».

Тем не менее, замужество не решает проблемы, несмотря на то, что мать, на первый взгляд, и уходит немного в тень. Муж просто занял ее место, и теперь Нина обращает свое требование любви к нему, по-прежнему безответное и безнадежное.

Создавалось впечатление, что история не имела никакого выхода: требование любви, обращенное к матери и мужу, обида на них, ощущение замкнутого круга, рыдания во время каждого сеанса... «Неужели можно что-то изменить?» – изумленно и просяще повторяет она вновь и вновь.

«...Сам истерик не знает, что требованием своим он удовлетвориться не может, но очень важно, чтобы это хорошо знали вы», – пишет Лакан (*Лакан*, 2002, с.423), и это замечание в данном случае является наилучшим советом в поисках стратегии лечения. Оставаясь только на уровне требования любви, которое само по себе не знает удовлетворения, субъект не может найти и место для самого себя, оставаясь подчиненным, буквально рабом того, к кому его требование обращено. «Больной истерией – это субъект, которому трудно установить с Другим, складывающимся в качестве Большого Другого, носителем выговоренного в речи знака, отношения, которые позволили бы ему место субъекта за собой сохранить» (*там же*, с.422). Единственный тогда способ пережить потерю этого Другого – идентифици-

роваться с ним, что, похоже, и делает Нина: теряя мужа, она становится инвалидом как мать.

Удивительно, но она говорит о своей матери как о человеке, лишенном желаний: пустое существо, никогда ничем не интересовалась, не делала ничего стоящего, даже книг не читала. А на вопрос: «Где же была мама, когда, например, не приезжала к Вам в пионерский лагерь навещать, может быть, она была с кем-то, или где-то отдыхала?» – Нина затруднялась ответить. Мать не отвечает на требование, и, в то же время, для нее самой словно никого, кроме Нины, не существует. И словно мы, в свою очередь, столкнулись с историей, в которой нам не удастся встретить желание субъекта, благодаря чему она, эта история, действительно превращается постепенно в замкнутый круг, за пределы которого невозможно даже бросить взгляд. «Отношения между двумя субъектами, складывающиеся вокруг требования, требуют, таким образом, для себя нового, дополнительного измерения – измерения, в котором субъект уже не выступал бы как субъект зависимый, как субъект, чья зависимость составляет самую его суть. Отныне должно быть учтено и осмыслено то, что, впрочем, подспудно имело место с самого начала: по ту сторону того, что субъект требует, по ту сторону того, что требует у субъекта Другой, обязательно должно существовать измерение, где присутствует то, чего Другой желает» (*там же*, с.416).

В какой-то момент терапевт произнесет фразу: «Люди могут быть просто не способными любить так, как нам бы того хотелось». Удивительно, но Нина схватилась за эту мысль как за спасательный круг, и вскоре она скажет, что проблемы с мамой ее больше не трогают, как раньше. Это узкое пространство между ней и ее матерью словно обрело просвет. Конечно, дело не только в одной этой фразе. Примерно в то же время возникает первое воспоминание об отце: Нине три года, отец достает из шкафа коробку конфет и дарит ей со словами: «Это тебе мама купила». Вспоминая данную историю теперь, она плачет: «Почему он тогда не признался, что это от него подарок?»

Встречи

Отец Нины покинул семью, когда ей было три года («Мама его выгнала, за пьянство»). Таким образом, воспоминание об отце, приведенное выше, действительно первое, до этого их не было вовсе. Вскоре возникнет и второе воспоминание, значение которого появится несколько позже. Нина вспоминает лежащего на кухонном полу пьяного отца, в луже мочи, в расстегнутых штанах и обнаженными гениталиями. Он жалкий и беспомощный. Почти одновременно появляются слова ее матери о сексуальной силе отца: «он мог буквально проткнуть забор». Какова связь между этими двумя совершенно противоположными по содержанию представлениями, и какое значение они имеют? Возможно, сама пациентка даст нам ответ?

Теперь на сеансах Нина говорит о своем муже, но рядом начинает вырисовываться и фигура его избранницы. На новогодние праздники они с супругом отправляются в туристическую поездку и там, в некотором подпитии, муж признается, что на протяжении всех 26-ти лет совместной жизни он не мог чувствовать себя рядом с ней мужчиной. Теперь же, «рядом с этой женщиной», он словно вновь обрел свою мужественность. Нину поразили не признания мужа относительно его проблем, ведь, как потом окажется, она об этом всегда подозревала, по крайней мере, его проблемы с эрекцией для нее, естественно, не были секретом, а то, что та женщина смогла ему *что-то* дать, *что-то* загадочное, что у нее самой отсутствует. У любовницы мужа есть *что-то*, благодаря чему ее можно любить. А она, Нина, всегда была лишена любви мужа, да и сама, похоже, его не любила. И как квинтэссенция этой новой темы прозвучит вопрос: «Неужели прожитые вместе 26 лет не имели смысла, раз между нами не было ничего настоящего?».

Но, конечно же, смысл был. Брак представлял собой договор: совместный отказ от сексуального желания, отказ в смысле исключения из речи любых упоминаний об этом желании, своего рода защита на двоих. Вспомним ее фразу: «Он предал меня, причем не потому, что изменил», – он ее предал, заставив вновь встретиться с сексуальным желанием, что оказалось для нее невыносимым, и ее ответом стала регрессия к ранним отношениям с Другим, строящиеся исключительно вокруг требования любви.

Теперь же, благодаря анализу, желание вновь возникает в речи, оно становится частью ее истории, подобно «мифу о соблазнении», о котором писал Фрейд. Но в случае Нины на месте этого мифа – «единственная истории любви», по крайней мере, так эту историю она называет сама. Эта любовь, или страсть, пациентка часто будет использовать именно такое слово, вспыхнула, когда ее сыну было три-четыре года. Нина влюбляется в женатого мужчину, «впервые в жизни по-настоящему». Он проявляет к ней интерес, ухаживает, но почему-то уклоняется от более близких отношений. Однажды он все же приходит к ней в гости, они пьют шампанское, она зашторивает окна и... мужчина быстро покидает ее квартиру. Нина описывает этот момент так: «Это было как... как... словно удар об стенку. Я не могу этого объяснить. Какое-то буквально физическое ощущение – бум!»

Нина описывает историю столкновения с реальностью сексуального желания как историю травмы, о чем так много писал Фрейд в своих ранних работах, посвященных истерии, в частности, исследуя истерический фантазм о соблазнении. Как подтверждение такой нашей интерпретации, приоткрывающей смысл «единственной истории любви», прозвучат следующие слова пациентки: «Я была в браке и запретила себе влюбляться, так как было очень сильное чувство и желание, с тем мужчиной. Сексуальное. Я

буквально сгорела тогда. Я не знала до этого момента, что можно так желать». И, наконец: «Я не хотела больше подобных ситуаций, отсюда страх, что повторится что-то подобное. Я в тупике, я не знаю, куда двигаться дальше. Благодаря терапии я разобралась с мамой, наладила отношения с мужем, в том смысле, что они больше не болезненны. В личных же отношениях... Я не уверена, что хочу видеть рядом с собой мужчину. Я этого боюсь...».

Через некоторое время Нина рассказывает об эпизоде, после которого, как ей кажется, любовь к герою «единственной истории любви» лишилась своей силы. Ему делали какую-то операцию, урологическую. И вот она приходит его навещать. Он ей жалуется и показывает шов, а из шва внизу живота торчит катетер. Она описывает свои чувства в этот момент, говоря, что ощутила его беспомощность, испытала что-то вроде брезгливости. Терапевт задает вопрос, о чем еще эта сцена заставляет ее думать или вспоминать.

– Вы хотите, конечно, сказать, что это должно мне напомнить моего отца, когда он лежал на кухонном полу...

О значении «не тех» мужчин в жизни женщины

Итак, мы встречаемся с желанием субъекта как с новым симптомом. А симптом, подобно перекрестку, как это представил Лакан в Семинаре X, может стать отправной точкой различных путей, по которым может далее двигаться субъект. Например, в сторону «препятствия»:

– Я не молода, и не уверена, что мужчина может быть в силе в таком возрасте. Значит, я поздно поднимаю эти вопросы. Поздно я с этим...

– Может быть, это форма отказа?

– Не знаю. Быть может, мне не повезло.

– В какой момент? *(Она улыбается в связи с этим вопросом.)*

– Я встретила *не тех* мужчин.

– Отталкивающих, например, с катетером. А в целом таких, что не могли ответить на Ваше желание, «такое большое».

– Они были таковы, что, в результате, я сама себе запретила кем-либо увлекаться.

Терапевт подчеркивает: «Вы запретили, быть может, это и есть Ваше участие в истории».

Другие пути могут быть найдены, благодаря анализу...

Позже окажется, что у того мужчины, о котором шла речь в «единственной истории любви», были сексуальные проблемы, которые не позволяли ему иметь полноценные сексуальные отношения. Собственно, они и являлись причиной его бегства во время той злополучной сцены.

Вскоре на одном из сеансов Нина будет рассказывать о том, насколько она была наивна в плане сексуальной осведомленности в начале своей уче-

бы в институте. «Я даже анекдотов не понимала!» – восклицает она. Терапевт недоверчиво удивился, в связи с чем она вспоминает в качестве примера анекдот, где участвуют два персонажа. Один из них участвует в соревнованиях по плаванию; второй с трибуны кричит: «А ну, давай, если ты победишь, то все женщины мира станут твоими!» И вскоре после этого выкрика пловец начинает тормозить о дно бассейна. Терапевт ответил, что сомневается, чтобы она не поняла, но вполне верит, что не смеялась, впрочем, как, возможно, не смеялись бы от этого анекдота ее муж и тот мужчина, в которого она была влюблена.

Напомню читателю, что мы задавались вопросом о смысле двух образов, появившихся в речи пациентки одновременно и связанных с отцом. Теперь, похоже, она сама дает ответ на этот вопрос. Речь идет о фантазме, являющемся, согласно Лакану, «опорой желания» (Lacan, 2004, pp.32,37) и структурирующем отношения с фаллосом. Этот фантазм буквально отвечает на ее собственный вопрос: где фаллос находится? Нина обращается к мужчине как к носителю фаллоса, как к тому, кто должен этот фаллос продемонстрировать во всей его мощи, «проткнуть забор». Но в силу того, что это просто невозможно, искомое всякий раз превращается в означающее отсутствия фаллоса (-Ф), которое, в данном случае, выступает как поддержка того абсолютного фаллоса, к которому она стремится. И каждый очередной «бессильный» мужчина, носитель (-Ф), укрепляет фантазм и вписывается в личную историю как подтверждение неудачной встречи.

В качестве послесловия

«Стоит вам хоть немного развить в работе с субъектом диалектику требования, вы обязательно окажетесь в том пункте структуры, где происходит расщепление, *Spaltung*, между требованием и желанием, – окажетесь, рискуя наделать ошибок, т.е. спровоцировать у больного истерию, так как, сами понимаете, то, что мы здесь с вами анализируем, для самого субъекта является бессознательным» (Лакан, 2002, с.423).

Данная статья представляет собой попытку описать длящуюся около пяти месяцев работу, где особое внимание уделялось диалектике желания и требования, а в качестве теоретической основы использовался Семинар V Жака Лакана. Этот случай не является завершенным, как впрочем, не может единожды установиться и баланс в диалектике желания и требования, что, в свою очередь, вовсе не означает бесконечность анализа. Тем не менее, автору хотелось бы закончить статью на очередном витке представляемой работы, очередном «перекрестке», дальнейший путь от которого выбрать нашей пациентке.

Вскоре Нина добивается, чтобы муж переехал на другую квартиру. Практически сразу же ее физическое состояние улучшается: боли отступают. Она начинает пытаться жить одна, задается вопросами о разделе имущества

с мужем, пытается по-новому построить свою жизнь. Тем не менее, она все еще продолжает много говорить об обиде на мужа, невозможности порвать с ним некую связь. Она словно продолжает от него что-то требовать. Она будет много говорить о том, как муж постоянно принижал ее женственность. Наконец, она скажет по поводу пассивности своего мужа:

– В ней есть то, чего нет во мне. Мне нужно, чтобы он подтвердил обратное.

– Вам нужно, чтобы он вас отпустил со словами, что у вас все нормально, что вы – женщина. Словно только он может это сделать.

– Да, наверное, это важно.

– ...

– Я хочу Вас спросить: может ли психоаналитик понять – лжив человек или нет? На основании моих историй, являюсь ли я таким человеком, как говорит обо мне мой муж? Плохая ли я? Что я не так поступаю, как женщины, которые любимы? То есть у меня желание – получить от Вас слова, что я не во всем виновата.

– И что Вы достойны любви?

– Да, мне невероятно важно услышать это от вас.

– Вам важно услышать это не от того, кто судит об этом объективно, а от того, кто Вас любит.

ЛИТЕРАТУРА

Жак Лакан. Семинары, Книга V, М., «Гнозис/Логос», 2002.
Jacques Lacan. Le Séminaire, livre X, Seuil 2004.